

Смешной Детектив

В. Гусев

Два дундука из сундука

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК РЕКОМЕНДУЕТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Два дундуков из сундука

«ЭКСМО»

2005

Гусев В. Б.

Два дундука из сундука / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2005 — (Дети Шерлока Холмса)

На берегу обычной речки Алешка подобрал бутылку, в которую была вложена записка. Человека удерживают в заложниках на каком-то судне, и он просит о помощи. Ничего себе история! Надо немедленно спасать беднягу. Но где искать это самое судно?.. На местном кладбище затонувших кораблей Алешка с братом приметили белый катер «Амелия». Уж очень подозрительно вели себя хитрые типы, которые крутились на его палубе! И говорили они о... набитом деньгами сундуке какого-то Каркадила. Вдруг именно эти криминальные субчики и прячут заложника? Надо выяснить. Главное в этом деле, – вы не поверите, – по-тихому смыться из дома!..

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	19
Глава V	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий ГУСЕВ

ДВА ДУНДУКА ИЗ СУНДУКА

Глава I

Митёк с автоматом

Лето начиналось хорошо: Алешку исключили из школы (до первого сентября за мелкое хулиганство); маму уволили с работы – их организация обанкротилась и развалилась, а папе вдруг дали отпуск.

– Отлично! – сказал он. – Раз общество не нуждается в наших услугах, займемся личными делами. Едем отдыхать!

И мы поехали. К папиному другу детства, писателю, который жил и творил на берегу небольшой реки.

Дом этого писателя стоял на холме. С него открывались дальние дали. Река, курчавые заросли на ее берегах, поле, заросшее разноцветными травами, чуточку синеющий лес – и очень синее небо.

И сам писатель оказался очень приятным человеком. У него были волосы до плеч, переваченные по лбу ремешком, и густая борода, из которой все время торчала дымящаяся трубка.

– Это и есть писатель Лосев, – познакомил нас папа. – А по-простому, Митёк.

Алешка внимательно оглядел его, протянул ладошку и одобрительно сказал:

– Похож.

– На кого похож? – удивился писатель Лосев.

– На писателя. – Алешка еще раз придиричivo взглянул. – Но больше все-таки на Митька.

– Ого! – восхликал писатель Митёк. И сказал папе: – Он у вас – ого!

– Еще как ого-то! – грустно подтвердила мама. – Еще узнаете. И не раз.

– Сработаемся, – улыбнулся Лосев, и где-то в глубине его густой бороды блеснули белые зубы.

Для начала мы, конечно, облазили весь дом. Больше всего нам понравился кабинет Лосева на втором этаже. Митёк сам привел нас туда. Мы как вошли – так и ахнули. Да, в таком кабинете не соскучишься! Первое, что нам бросилось в глаза, – в простенке между окон висела зеленая каска с красной звездой, а под ней – на широком кожаном ремне советский автомат времен Отечественной войны. С желтым деревянным прикладом, с дырчатым кожухом вокруг ствола, с круглым диском-магазином. Рядом, на подоконнике, стояли вверх деревянными ручками гранаты, похожие на странные бутылки. А на стене у входа – еще один автомат, немецкий. Черный такой, злобный и кусачий на вид.

– Ничего себе, – сказал папа с одобрением в голосе. – Целый арсенал! Молодец, Митёк! – И он снял с крючка советский автомат.

– «Папаша», – с тихой гордостью похвалился Митёк.

– Чей папаша? – удивился Алешка. – Ваш?

Я, честно говоря, тоже удивился. А Митёк засмеялся.

И объяснил, что так прозвали этот автомат бойцы на фронте, переделав на свой лад его марку – «ППШ».

А что, подумал я, похож. У него даже вид какой-то добродушный – как у папаши-пенсионера. А вот немецкий автомат, тот совсем другой – хищный и с каким-то шипящим змеиным названием – «шмайссер».

– А мне можно потрогать? – вежливо, но без особой надежды спросил Алешка.
– Да ради бога! Можешь даже пострелять.
– Вот еще! – возразила мама.

И тут выяснилось, что это оружие: и автоматы, и гранаты, и пистолет «маузер» в деревянной кобуре – все это оружие не совсем настоящее, хотя и имеет настоящий боевой вид. Все это оружие Митёк в свободное от работы над книгами время сделал сам, своими умелыми руками. И стреляет это оружие капсюлями от охотничьих патронов: грохот, пламя из ствола, пороховая гарь, но совершенно безопасно.

Алешка забрал у папы автомат, выставил ствол в окно и дал очередь. Здорово получилось! Как в кино, мама даже уши зажала. А потом «отжала» и попросила:

– И мне, ладно? Очень хочется.

Митёк объяснил маме, как пользоваться оружием, и она тоже выпустила «очередь» во двор.

– Молодец! – похвалил ее Алешка. – Ты на отважную партизанку похожа. – И тут же нахально попросил Митька: – А гранаты? Покидаем?

Гранаты тоже оказались почти настоящими. Корпус у них не стальной, а из картона, а внутри обыкновенная петарда.

– Гранаты кидать не будем, – сказал Митёк, – а то участковый примчится.

– Ну ты вооружился, – опять восхитился пapa.

– А то! Никакая шпана не сунется!

– А что, есть шпана? – спросил пapa с профессиональным интересом.

– А где ее нет? – удивился Митёк.

Мы с сожалением повесили на место автомат и продолжили «экскурсию» по кабинету. Здесь еще стояли два письменных стола. Заваленные бумагами.

– А зачем два? – спросил Алешка. – Вы сразу две книги пишете? Каждую на своем столе?

– Не совсем так. На этом столе я пишу днем, а на том столе вечером зачеркиваю все, что написал днем.

– И получается книга, – кивнул Алешка. И оба улыбнулись.

А я понял, что они уже подружились. Сработались.

Над левым письменным столом висел листок бумаги со всякими мудрыми изречениями великих и не очень великих людей. Там было много чего написано, я не все запомнил. Ну, например, такие мудрости: «Устами младенца глаголет истина», «Твоими устами да мед бы пить», «Люблю стариков – с ними не соскучишься». Это Остап Бендер сказал. А под этой фразой красовалось мудрое изречение самого писателя Лосева о самом себе: «Солнце моей жизни еще не скрылось за горизонтом, но уже склоняется к закату». Здорово, но малопонятно.

И мама тоже задумалась над этой «истиной».

– Очень просто, – сверкнув зубами в бороде, объяснил писатель. – Это напоминание мне, чтобы не ленился и много работал. Чтобы побольше успеть.

– Можно я кое-что для себя спишу? – спросил Алешка. – Мне всякие мудрые слова и мысли очень нравятся.

Надо же! А мы и не знали!

– Особенно про младенцев, – продолжил Алешка. – Которые всякие истины глаголют.

– В корень зрит, – похвалил его Митёк Лосев. – Писателем будет.

– Художником, – сказал я.

– Президентом, – сказал пapa. – Только не знаю где.

– Он будет хорошим человеком! – решительно отрезала мама.

– Не надейтесь! – так же решительно все испортил будущий хороший президент. С талантливым художником.

Еще одна примечательность в кабинете писателя – такой большой стенд, на который были наклеены портреты всяких великих классиков литературы. Тут и Толстой, и Чехов, и Тургенев, и Пушкин рядом с Лермонтовым, и Гюго, и Джек Лондон, и Марк Твен, и Диккенс. И полно еще всяких классиков, которых я не видел и не слышал, а тем более – не читал. В середине этого стенда, в окружении этих великих умов, была приколота фотография самого писателя Лосева. С трубкой в бороде.

– Зачем это? – спросил Алешка.

– Чтобы классики не зазнавались.

А когда мама его об этом спросила: «Что за композиция?», Митёк ответил еще загадочнее:

– Она символизирует творческое освоение писателем Лосевым мирового классического наследия.

Мама вежливо улыбнулась, но кажется, как и мы, ничего не поняла.

А папа нам сказал, что его друг детства Лосев – очень хороший и скромный писатель. Он пишет замечательные книги о работниках милиции.

– А чего ж он о тебе не написал? – ревниво спросил Алешка. – О замечательном работнике милиции?

– Написал. Конечно, не целую книгу, но большую в ней главу. Вы у него спросите, он вам даст почитать.

Мы откладывать это дело не стали, главу в книге, которая называлась простенько и со вкусом «Всегда на посту», проглотили мгновенно, в первый же вечер, и совсем по-другому увидели своего привычного папу. Алешка даже стал при нем ходить на цыпочках и быстро вскакивал на ноги, когда папа появлялся в комнате. Дурака валял, конечно.

Но уважать папу мы стали еще больше. А заодно и писателя Лосева, который так здорово о нем написал и открыл для нас столько нового в этом привычном родном человеке.

– Дим, – сказал мне Алешка, – попроси Митька, чтобы он и о нашей маме написал.

– Ага, – сказал я, – и о нас с тобой.

– И о бабушке, – подхватил Алешка со смехом.

Наша бабушка – тоже герой в своем роде. Она – герой зубного труда. И любит похвастаться, что за многие трудовые годы вырвала у своих пациентов больше миллиона зубов. Это примерно – грузовой вагон. Кошмар!

Нас с Алешкой поселили в крохотной комнатушке на втором этаже, рядом с кабинетом Лосева. Он притащил из сарая две скрипучие раскладушки, небольшой столик и что-то вроде стоячего ящика с полками – «для личных вещей». А что нам еще нужно?

Мы застелили раскладушки, разложили по полкам личные вещи, в общем, освоились в отведенном нам помещении.

Комната нам очень понравилась. У нее было много достоинств. А главное – ее окно находилось прямо над крыльцом, где наши взрослые взяли привычку сиживать по вечерам. Папа с Митьком покуривали, мама вздыхала от удовольствия – ей нравились такие спокойные вечера, когда ее дети наконец-то улеглись спать и можно обсудить свои взрослые дела, не опасаясь внимательных детских ушек.

Вечером, когда нас прогоняли спать, мы гасили свет и распахивали настежь окно для свежего ночного воздуха. Ложились животами на подоконник и смотрели, как выбирается из леса на небо луна и как засыпает природа средней полосы. Луна обычно была сначала желтой, как мамина медная кастрюля, потом становилась красной, как спелый помидор, а уж в высоте серебрилась ярким светом.

А природа засыпала постепенно. Сначала все темнело, а потом затихало. Умолкали птицы одна за другой, все реже взлаивали собаки в соседней деревне. Смолкали ребячьи голоса. Иногда от реки, очень редко, доносился гудок или свисток теплохода.

Все это было очень здорово. Но мы висели на подоконнике не только ради засыпающей природы и свежего ночного воздуха. Мы с интересом прислушивались к тихому разговору на крыльце прямо под нами. С интересом, но, в общем-то, без всякой пользы. Разговоры там были самые обычные: о погоде, о папиной работе, о новой книге писателя Лосева, о ценах в магазине и на рынке, о нас с Алешкой.

На третий день Алешке это бесполезное подслушивание надоело, и он пораньше завалился на свою раскладушку. А я по привычке сидел у окна и любовался восходящей луной, как барышня прежних лет. И услышал разговор, которому сначала не придал никакого значения, а вспомнил о нем совершенно случайно. Гораздо позже. Когда закрутились некоторые странные события.

Толком я этот разговор не понял, а вспомнился он так.

– Имей в виду, Митёк, – сказал пapa вполголоса, – скоро им станет скучно.

– И тогда нам будет очень весело, – со значением добавила мама. И с горькой иронией.

– Вы чего? Вы их боитесь? – удивился Митёк. – Славные ребята.

– Непредсказуемые, – сказал пapa.

– Неуправляемые, – добавила мама.

– Нужно их занять чем-то необычным, – предложил Митёк. – Они у вас чем больше всего увлекаются?

– Они – сыщики, – сказал пapa. С гордостью в голосе. – Особенno младший.

– Ага! – обрадовался Митёк. – Дети Шерлока Холмса! В папашу пошли.

– Обошли папашу, – тихонько засмеялся пapa.

– Вот и ладно, – слышно было, как Митёк шлепнул себя ладонями по коленям. – Я им кое-что придумаю. По специальноти. Скучно не будет.

– Ты уж очень-то не старайся, – попросила мама.

А я зевнул и тихонько, чтобы не скрипнуть, улегся на свою раскладушку. И тут же забыл про этот разговор. И наутро о нем не вспомнил, потому что пошла у нас хорошая спокойная личная жизнь без всяких общественных забот. Правда, такая красота продолжалась недолго. Общественная жизнь властно вторглась в личную очередным криминальным проявлением. И нам с Алешкой пришлось круто взяться за борьбу с врагами. Их оказалось много, и были они очень коварные.

Глава II Одиночный путник

Освоившись на Митьковой территории, мы двинулись осваивать прилегающую местность. И всякие достопримечательности.

Ничего особо достопримечательного мы не обнаружили. Под горой – деревня, небольшая, но симпатичная. С собаками, которые лениво валялись в дорожной пыли, с петухами, которые горланили и хлопали крыльями на заборах, с козами, которые паслись на огородах.

Деревня небольшая, но с магазином. Хотя где их только теперь нет. Магазин – это культурный центр населенного пункта. Здесь все время тусуется местное население. В лице пожилых старушек и старииков, а также молодежи разного возраста. Старики в основном входили в магазин за покупками и выходили из него с покупками. А молодежь шумно толпилась у дверей и пила пиво из горльышка. Ну и курила, конечно. Ну и ругалась без стеснения. Особенно один длинный парень в тельняшке, самый главный у них, наверное. Он был примерно моего возраста, но не так хорошо воспитан.

Когда мы проходили мимо, все они замолчали и повернулись к нам. Алешка, ни слова не говоря, подобрал с земли камень и сунул его в карман, а я подхватил валявшуюся на дороге штакетину.

– Эй вы! – окликнул нас главарь в тельняшке. – А здороваться кто будет? Пушкин?

При чем здесь Пушкин, подумал я, да и разве стал бы с ним великий поэт здороваться – и уже было открыл рот, чтобы достойно ответить, как возле магазина неожиданно появился мотоцикл, а на нем – молодой милиционер в шлеме.

Тусовка съежилась и притихла. Только главарь нахально выступил:

– А мы что? Мы – ничего. Все вы к нам придираетесь.

Мы на эти разборки задерживаться не стали и пошли дальше, через всю деревню. Кончалась она зеленым, в крапинках цветов, лугом, на котором задумчиво кормились коровы и который постепенно переходил в кочковатое болото. А на болоте...

– Класс! – восхитился Алешка. – Замок!

Над болотом высоко стояла круглая кирпичная башня. Прямо настоящая крепостная. Вокруг нее шуршила осока и кивали коричневыми головками камыши. А над ее конической кровлей из полусгнивших досок вились стаи голубей.

К башне вела чуть заметная тропка, а травы по ее краям стояли в рост человека.

– Пошли посмотрим, – загорелся Алешка. – Может, какую-нибудь древность найдем.

Я не стал с ним спорить и доказывать, что если тут и были когда-нибудь какие-нибудь древности, то местные пацаны уже давно их подобрали. Да мне и самому было интересно посмотреть это историческое сооружение вблизи.

Тропка привела нас прямо ко входу в башню, который скорее был похож на пролом в стене.

– Это ядрами пробили, – шепнул мне в восторге Алешка. – Во время осады.

Перед входом была довольно утоптанная площадка. А на ней... на ней чуть дымился почти погасший костерок с подвешенным над ним закопченным чайником. Чье-то обиталище? Лучше не лезть сюда, лучше пораньше смотаться. Кто знает, что за бродячие люди здесь живут? Так и до беды недалеко. И я сначала придержал, а потом потянул Алешку за руку.

Но было уже поздно.

В темной глубине башни послышался чей-то кашель и гулким эхом разнесся по всем ее ярусам. В проеме появился человек. С тяжелой березовой дубинкой в руке и весь заросший

черной щетиной. А там, где щетины не было, он все равно был черный от копоти. В общем, черный человек!

Мы не только остановились, но и попятались, готовые дать деру.

Человек еще раз кашлянул и коротко взглянул на нас. Кроме черноты и дубинки ничего угрожающего в нем не было.

– Привет, – дружелюбно сказал он и опять кашлянул.

– Здрасте, – ответили мы.

– Не помешали? – вежливо добавил Алешка. – Вы здесь живете?

– Да как сказать? – Черный человек присел у костра, раздул угли и подложил в огонь дров. – Я здесь немного отдыхаю. Чай будете?

Сказано это было с таким радушием, что отказался бы только дурак. И мы тоже присели возле костра.

– Вы, наверное, ученый-археолог? – предположил Алешка. – Изучаете это старинное историческое сооружение?

Незнакомец чуть заметно улыбнулся:

– Это сооружение не очень старинное. И совсем не историческое. Это колхозная силосная башня. В ней корма держали для скота.

Я бы не сказал, что при этих словах Алешка сильно смутился или огорчился.

– Да, – продолжил незнакомец, покашливая, – это не старинная башня. И я не археолог.

– А кто вы? – спросил Алешка, принимая кружку с чаем.

– Я-то? – Незнакомец даже удивился. – Теперь уж и не знаю. Никто, наверное. Одинокий путник. К мамаше иду, она в этих краях обитает.

Я повнимательнее пригляделся к нему – не был он похож на бездомного бродягу. И одет прилично; видно, конечно, что ночевать ему приходилось не в отеле и путешествует он не в «Мерседес», но я бы такого человека не испугался при встрече и не стал бы его сторониться.

– Соскучились по мамаше? – участливо спросил Алешка.

– Соскучился. Да и некуда больше идти. Дома у меня нет, семьи нет. Ничего нет, кроме чайника.

– А все было? – спросил я.

– Да. Я состоятельный человек был. Не богач, конечно, но фирма у меня была достойная.

На хорошую жизнь хватало.

– И вы все проиграли в карты? – не смущаясь, спросил Алешка.

– Если бы. Ничего я не проигрывал. А жизнь свою, похоже, проиграл.

– Кому? – спросил Алешка. – Дьяволу?

– Крокодилу. – Незнакомец выкатил из костра уголек, нагнулся над ним и раскурил сигарету. – Все мое этот Крокодил схавал. И мою фирму, и мою квартиру, и две мои машины, и даже катер. Хорошо, хоть меня выплюнул. Правда, прожевал с хрустом, все косточки промял.

– Я ничего не понял, – признался Алешка. – Дали бы вы этому крокодилу сапогом по зубам!

– Дал бы! – мечтательно произнес одинокий странник. – Да я его ни разу не видел. Знаю только, что кличка его Крокодил.

Мы помолчали. Странник, видимо, овеялся горькими воспоминаниями, а мы с Алешкой пытались представить этого зубастого крокодила, который разом схавал дом, офис, катер, две машины и квартиру. И чуть не проглотил человека. И не подавился при этом.

Как-то все это было странно. Старинная башня – никакая не старинная. Кругом болота. Одинокий странник. Белые облака в синем небе. Птицы над головой. Дома мама с папой, Митёк. И какой-то где-то злобный крокодил.

Мы молчали, пили чай и вздыхали. Постепенно одинокий странник разговорился и поведал нам свою грустную историю. Видно, кроме нас, некому было ее поведать.

Сначала он был счастливый человек – с успехом занимался любимым делом, основал свою фирму и, как говорится, крепко стал на ноги. Но какой-то криминальный бизнесмен по кличке Крокодил очень этой богатой фирмой заинтересовался, захотел ее схватить. И прислал к ее владельцу своего человека: продай и уматывай. Наш незнакомец выставил этого посланца за дверь. Но Крокодил не успокоился, даже озлобился и стал вести тайную войну. Подкупил нужных людей, изготовил поддельные документы – и вскоре незнакомца вызвали в суд, где, как дважды два, ему было доказано, что фирма теперь ему не принадлежит, а он к тому же еще и должен ее новому владельцу вагон денег. Такого вагона у Странника не было, и в счет уплаты долга у него отобрали машины, квартиру, вообще все. И он пошел пешком к своей родной мамаше начинать с нуля новую жизнь. В дороге простудился и задержался, чтобы отдохнуть, в этой башне. Грустная история.

– Больше всего мне катер жалко, – вздохнул Странник, заканчивая свой печальный рассказ. – Я его своими руками построил. И название красивое придумал: «Камелия», это цветок такой.

Лешка тут же взял быка за горло.

– Наш папа, – сказал он, – очень хороший полковник милиции. Он вот таких крокодилов ловит и сажает в клетку. Мы ему все расскажем, и он вам поможет.

– Ты добрый человек, – грустно улыбнулся Странник, – но еще очень молодой. Не хочу обижать вашего папу, но ты еще не знаешь, что даже очень хороший полковник милиции может не справиться с крокодилами.

– Не хочу вас обижать, – сказал я, – но наш папа справится. Он и не с такими деламиправлялся.

– Ладно, добрые люди, – опять грустно улыбнулся Странник, – мне пора.

Он зашел в башню и вернулся с узелком, закинул его за спину, оглядел свой «замок» прощальным взглядом.

– Жалко ее покидать. Хорошее пристанище для бездомного.

– А вы не покидайте, – посоветовал Алешка. – Вы ее почините и живите себе в ней на здоровье.

– Хорошая мысль, – согласился Странник, – оживить эту башню. Разделить ее на этажи, встроить винтовую лестницу, окна пробить.

– Пушки в них высунуть, – подхватил Алешка. – И крокодилов из них стрелять.

– На это деньги нужны, малыш. А у меня их нет.

– Тогда у нас поживите, нам не жалко.

– Не сомневаюсь. – Странник, подобрав свою палку, вышел на тропу. В другой руке он держал закоптелый чайник, крышка которого грустно позвякивала при каждом шаге. – До встречи, добрые люди.

Мы долго смотрели ему вслед. Алешка о чем-то сосредоточенно, нахмутившись, думал.

Посидев немного у костра, пока он совсем не погас, мы забрались внутрь башни. И оказались как бы на дне огромного и глубокого каменного колодца. Задрав головы, мы смотрели вверх, где сквозь щели светилось солнце и синело небо. И мелькали силуэты птиц.

В башне пахло чем-то кислым, наверное, сохранился запах того самого коровьего корма. На земле валялся битый кирпич и всякие щепки, а у стены лежала куча старой соломы, на которой ночевал бедный Странник.

– Да, – задумчиво и загадочно произнес Алешка, – знатный замок может получиться.

Мы вышли из полусумрака башни в солнечный день и отправились домой. Деревню миновали без приключений. Магазинчик был закрыт на обед, и возле него никого не было. Молодежная тусовка куда-то рассосалась.

Дома Алешка с порога выкладывает папе всю эту историю. Папа слушает очень внимательно. Переспрашивает, уточняет.

– Как ты сказал? Крокодил? – Папа вскидывает голову. – А фамилию этого странника вы не догадались спросить? Жаль.

Он встает, берет свой мобильник и выходит из комнаты, на пороге оборачивается и говорит строго:

– Не подслушивать.

– Очень надо, – ворчит Алешка ему вслед. – И вообще, что-то наши правоохранительные полковники слабо стали работать. Крокодилы какие-то у нас развелись, а?

– А я в отпуске, – отрезает папа и захлопывает дверь.

Глава III

Таинственная находка

А пока мы отчаянно отдыхали: мама хлопотала по хозяйству, папа основное время проводил с книгой на диване, писатель Митёк днем на одном столе писал книгу, вечером на другом столе зачеркивал все написанное, а в промежутках между этими делами возился в сарае, где конструировал и воплощал новую оружейную модель – здоровенный танковый пулемет.

Сарай у него тоже был замечательный. Чего там только не было: старые покрышки и старая мебель, верстак, два станка, куча всяких инструментов, неисправный мотоцикл, банка со ржавыми гвоздями и картины на стенах. Ему подарили их его друг художник. Мама даже спросила: почему Митёк держит произведения живописи, да еще подарочные, в рабочем сарае?

– А я их боюсь, – признался Митёк.

Тут он, конечно, прав. И на меня обе эти картины плохо действовали. На одной были изображены мрачные темно-зеленые пятна, а другая была вся как завязанная узлом радуга. Жуткое впечатление!

Однако Лешка так не считал.

– Ничего вы не понимаете, – сказал он (мне даже показалось, что с обидой за художника). – Эти картинки изображают настроение. Одна – мрачную скуку во время долгого дождя, а другая – какую-нибудь неожиданную радость.

Митёк с удивлением взглянул на него.

– А ведь ты прав, – сказал он. – Эти картины так и называются: «Зеленая тоска» и «Беспричинная радость». – И он взглянул на Алешку с огромным уважением.

А мама только пожала плечами – иначе и быть не может. Мне иногда кажется, что она не только уважает Лешку, но и слегка его побаивается. Хотя наша мама – отважная женщина, она боится только лягушек.

В общем, все занимались своими делами. А мы с Алешкой весь день пропадали на реке. Купались, ловили рыбу, Алешка брал с собой этюдник и рисовал неоглядные дали. Он их называл «ненаглядными».

Река здесь была хорошая, довольно чистая, только сильно обмелела. И поэтому судоходства на ней почти не было. Только изредка брел какой-нибудь пароходик или катерок, и тогда в песчаный берег плескались волны.

Иногда к нам приходил писатель Митёк, садился с удочкой рядом с Алешкой и заглядывал через его плечо в этюдник. Хвалил:

– Здорово получается. Очень похоже. Особенно вот эта птица.

– Это не птица, это пенек на том берегу.

– Все равно здорово. – И Митёк выпускал клуб дыма. – А лучше всего, Лешк, брось ты это дело, пиши лучше книги.

– Больше платят? – деловито спросил Алешка, не отрываясь от работы.

– А я знаю? Не сравнивал. Но расходов меньше. Всего-то – ручка да бумага. А у тебя – краски, кисти, холсты всякие, картон. – Он подсек и выдернул рыбешку. – Отдадим ее твоей маме, она нам зажарит ее на обед.

– Не многовато будет? – спросил я, разглядывая уклейку с мизинец величиной.

– За ужином доедим, – сказал Алешка.

А по реке медленно, осторожно проплыл небольшой катер вроде речного трамвайчика, с красивым названием «Амелия». И когда я его прочел, что-то мелькнуло в моей памяти, но ненадолго.

На палубе катера никого не было, только в рубке торчала за стеклом голова рулевого в белой фуражке над круглым лицом.

Из кормового иллюминатора вдруг что-то вылетело и плюхнулось в воду, подняв сверкнувшие на солнце брызги.

– Хулиганы, – проворчал Митёк сквозь бороду. – Шпана. Засоряют реку.

Тут появилась мама и позвала нас обедать.

– Как улов? – спросила она. – На ужин хватит?

Митёк, покраснев, быстренько сбросил уклейку в реку. И признался:

– Улов? Улов необременительный.

После обеда вдруг зазвонил папин мобильник.

– Ну вот, – вздохнула мама, – кончился твой отпуск.

Оказалось, что звонил начальник местного УВД и просил папу помочь участковому разобраться на месте с каким-то хитрым делом.

– А где это? – спросил папа.

– Недалеко от вас. В Опенках.

– Хорошо, сейчас подъеду. – Он выключил телефон и спросил Митька: – Как твоя машина, на ходу?

– Иногда, – уклончиво ответил Митёк.

Они с папой распахнули ворота гаража и выкатили из него допотопную открытую машину.

– Первый советский джип, – гордо сказал Митёк. Он выгреб из машины охапку пустых бутылок и отнес их в сарай.

– И сколько ему стукнуло?

– В следующем году юбилей отметим. Шестьдесят лет.

– А он ездит? – спросила мама.

– Под горку, – сказал Митёк. – Туда доедем: в Опенки как раз вся дорога под горку.

– Тогда и я с вами, – решила мама. – Втроем будет легче его обратно в горку толкать.

Мама быстренько накрасила глаза и взяла хозяйственную сумку:

– Может, рыбки куплю к ужину.

Они уселись в машину, Митёк отпустил ручной тормоз. Машина скрипнула и покатилась вниз. Выбросила из выхлопной трубы клуб дыма и завелась. Так они и скрылись за горизонтом; машина дымила выхлопом, Митёк – трубкой.

Я снова взял книгу «Всегда на посту» и завалился на диван, а Лешка опять пошел на реку: дорисовать пенек, похожий на птицу. Или наоборот.

Вот тут-то все и началось.

Началось незаметно и буднично. Едва Алешка присел с этюдником на берегу, как увидел на песке выброшенную волной бутылку из-под шампанского. Он бы и не обратил на нее внимания, если бы она не была запечатана. Сообразил: если бутылка с вином, то она бы утонула, а если она без вина, то зачем ее снова запечатывать?

Короче говоря, он оставил свои кисти и поднял бутылку. Странно: проволочка на пробке была закручена так, будто ее один раз уже снимали. А внутри бутылки сквозь темно-зеленое стекло что-то белело, вроде круглой палочки величиной с карандаш.

Алешка снял проволочку с горлышка и вытащил пробку. Перевернул бутылку, потряс. На ладонь ему упал свернутый в трубочку листок бумаги. Алешка с замершим сердцем развернул его.

«Умоляю о помощи, – было написано неверной рукой. – Меня похитили неизвестные и держат в заложниках. Я нахожусь на каком-то судне, которое куда-то плывет. Помогите!»

Подписи под текстом записки не было, видимо, человек, ее писавший, был в отчаянии и забыл сообщить свое имя.

Алешка подхватил бутылку вместе с запиской и помчался домой.

– Дим! – заорал он на пороге. – Вот! – И протянул мне бутылку.

Я взглянул.

– Там, в сарае, еще есть, – сказал я. – Полнό.

– Записка, Дим!

– Кто-то потерпел кораблекрушение? – лениво отозвался я, не отрываясь от книги.

– Читай! – И он сунул мне прямо в нос листочек бумаги.

Я прочитал и Лешкиной тревоги не разделил.

– Кто-то дурака валяет, Лех. Может, даже с этого катера выбросили, помнишь?

– Ты на почерк посмотри! – настаивал Алешка. – Дрожащей рукой написано.

– Или нетрезвой, – отмахнулся я.

– Ну и сиди здесь! – выпалил в сердцах Алешка. – Как пенек на том берегу! А я пойду в милицию.

– Иди. – Я перевернул страницу. Скучно стало пацану, вот он и выдумывает приключения.

Алешка тем временем оседлал Митьков велосипед и помчался в поселок, где было отделение милиции. И очень скоро вернулся, злой и решительный.

Дежурный лейтенант внимательно изучил записку, поднял глаза на Алешку и так же внимательно изучил и его.

– Сам писал? – сердито спросил он. – Сам и разыскивай.

– Сам и разыщу! – сердито пообещал Алешка.

Алешка весь пыхтел от возмущения, когда все это мне рассказывал. Но я его возмущения не разделял. Я его даже заподозрил. Как и этот дежурный лейтенант.

Не сам ли Алешка накатал эту записку? Ведь он без приключений не может. И если их нет, то он их ищет. А если не находит? Создает.

Ему нужны трудности. Чтобы было что преодолевать.

Я отложил книгу, взял таинственную записку и еще раз – с уже большим вниманием – ее прочитал. Да нет, рука явно не Алешкина. Взрослая рука. И почерк совсем на Алешкин не похож. У Алешки почерк – еще тот. Ни у кого во всем мире такого нет. И никогда не будет.

Да и написано без ошибок. А у Лешки ведь своя орфография. Он даже нашу фамилию на тетрадках подписывал всякий раз по-разному.

Похоже, в самом деле кто-то попал в беду. Кому-то нужна помощь. Но вот – кто это? И где он? Я сначала задумался, а потом успокоился: сейчас приедет папа, мы ему все расскажем, и он сделает все, что нужно. И нам не о чем волноваться. Я так и сказал Алешке.

Он холодно взглянул на меня и ответил маминым тоном:

– Любишь ты ответственность на кого-нибудь перекладывать. И трудности обходить.

Я не стал спорить и демонстративно взял книгу. И показал Алешке заголовок. «Всегда на посту». Он хмыкнул, взял у меня книгу, пролистал, нашел нужное место и упер в эту строчку пальцем:

– Прочти вслух.

Я тоже хмыкнул и прочитал:

– «Хорошая работа милиции во многом зависит от той помощи, которую ей оказывают сознательные граждане». Это ты? Сознательный гражданин?

Алешка не успел ответить: внизу, под горкой, послышалось чиханье ветерана автомобильных дорог. Мы выскочили на крыльцо.

Машина с трудом взбиралась в горку, ехала все медленнее и медленнее с «каждым шагом».

– Прыгайте! – услышали мы команду Лосева. – Сейчас покатимся. У нас и тормоза старые.

Мама и пapa выпрыгнули из машины. Вовремя – она, задыхаясь, остановилась, подумала и тихонечко покатила назад.

– Держите ее! – опять скомандовал Лосев.

Пapa и мама послушно уперлись машине в зад и остановили ее.

– Выгружаемся! – Лосев стал доставать из машины сумки и ставить их рядом на землю. Из одной сумки торчал здоровенный рыбий хвост. Будто там пряталась небольших размеров русалка.

А Митёк все командовал:

– Что смотришь, Серега? Таскай в дом покупки.

– Ты ее удержишь? – пapa спросил маму.

– Удержу, – вздохнула мама.

– Я сейчас пару кирпичей принесу, – пообещал Митёк. – Под колеса подложим. Надежнее всяких тормозов.

– Только поскорее, – сказала мама.

Она повернулась к машине спиной, уперлась в нее лопатками, достала из кармана зеркальце и стала разглядывать свои ресницы, которыми пapa очень гордился.

Митёк и пapa подхватили сумки и поднялись к дому.

– Как съездили? – спросил Алешка. – Оказали участковому первую помощь?

– Почти, – как-то загадочно ответил пapa и поставил сумку на пол. Рыбина тут же взмахнула хвостом.

– Живая? – обрадовался Алешка.

– Почти, – так же загадочно ответил Митёк.

– Здорово! Давайте ее в реку выпустим. Она там размножится.

– И что?

– На следующее лето рыбака будет классная. – И он без всякого перехода протянул папе записку из бутылки.

Пapa прочитал и нахмурился. Передал записку Митьку.

Митёк прочитал и задумался. Поскреб бороду. И сказал:

– Занятно.

– Кому как, – надулся Алешка. – А человек в беде.

– Ладно, – сказал пapa, – обсудим эту проблему за ужином.

И давно пора – солнце уже клонилось к закату.

– А чем ужинать будем? – спросил Митёк.

– А вот. – Пapa толкнул ногой сумку с почти живой рыбиной. И она отозвалась своим широким хвостом. – Пожарим с картошечкой.

– А можно уху сварить, – мечтательно проговорил Митёк.

– Лучше и то, и другое, – вставил Алешка. – И побольше.

– И без хлеба, – высказался я. – Хлеб мы и дома можем поесть.

– А я бы колбаске порадовался, – снова размечтался Митёк.

– Точно, – согласился пapa. – На сковородку ее и яйцами залить.

– Вот только не это! – Митёк даже руками замахал. – Я уже два месяца одними яичницами живу. Скоро кукарекать стану.

И мы еще долго спорили о том, что бы нам такое сделать на ужин.

– Эй! – послышался вдруг из-под горки слабый женский голос. – Я замерзла!

Пapa испуганно хлопнул себя ладонью в лоб. У Митька виновато забегали глаза.

– Все вы! – упрекнул нас папа. – Из-за вас маму чуть не забыли. Живо – два кирпича!

– А зачем маме кирпичи? – Алешка удивленно распахнул глаза. – Ей и так нелегко.

Митёк выскочил наружу, подобрал возле дома два кирпича и помчался вниз, к машине.

Мы – за ним.

Он подложил кирпичи под колеса и взял маму под руку.

– Не стыдно? – спросила она с упреком.

– А я зато рыбу пожарю, – смущенно пообещал Митёк. И оправдался: – Мы увлеклись.

Меню обсуждали.

С папой мама весь вечер не разговаривала. Только за чаем бросила в его адрес:

– Митёк хоть кирпичи принес. А ты?..

Папа опустил голову. Сделал вид, что очень расстроен. Притворяшка!

– Так что, Серега, будем решать с этим Васькой? – быстро перевел разговор Митёк. – Надо его выручать.

Да, история непростая. Этот Васька украл поросенка. У самого себя. И продал его соседу. Чтобы мотоцикл купить. И – хитрец такой – распилил на сарае дужку замка и вызвал участкового. Будто у него жулики побывали.

– Мошенничество, – сказал папа. – И введение в заблуждение органов милиции.

Но чем дальше шел этот разговор, тем сложнее становилась ситуация. Оказывается, этот Васька с детства мечтал о мотоцикле. Уже давно, лет пятьдесят. И все деньги копил. А его вредная жена Клавдия купила на эти деньги себе шубу.

Васька ее боялся, поэтому смолчал и снова начал копить. Даже свою бензопилу, которой заготавливал на зиму дрова, продал. Но немного не хватало. Вот он и придумал.

– Аферист! – сказал я.

– Дурак! – сказал Алешка.

– Не такой уж он дурак, – возразил я.

– А я не про него, – отозвался Алешка.

«А про кого?» – подумал я.

– Участкового кто вызывал? – спросил Митёк папу.

– Сам Васька и вызвал.

– А заявление о краже кто писал?

– Клавдия.

– Вот! – Митёк поднял палец. – Нужно уговорить Клавдию забрать заявление.

– Бесполезно, – отмахнулся папа. – Железная баба, то есть женщина.

– Нужно послать к ней обаятельного человека, – сказала мама.

– Алешку? – спросил Митёк.

– Его маму, – сказал папа.

Мама открыла было рот, но возражать не стала. Кто ж будет возражать, если его обзывают обаятельным человеком.

– Ты поговоришь с ней по душам, – посоветовал папа.

– Точно! – вскочил Алешка. – И пожалуешься, что тебя заставили два часа грузовую машину с кирпичами на горке удерживать. Женщины любят друг другу на своих мужей жаловаться.

Митёк хмыкнул:

– Откуда ты знаешь?

– От папы с мамой, – не смутился Алешка.

– А что с Василием будем делать? – поспешил папа.

Алешка и тут не растерялся:

– Надо отдать ему мотоцикл. Который в сарае стоит. Пусть порадуется. – И пояснил, чтобы Митёк не расстроился: – Все равно он у вас не заводится. Не жалко.

— А что? — поскреб бороду Митёк Лосев. — Это мысль. Как говорится, устами младенца...

— Мед бы пить, — закончил за него Алешка.

— Я другое хотел сказать, — растерялся Митёк. — Но твой намек понял. Завтра из любимого улья рамочку с медом выну. У меня знаешь какие пчелы?

Ну и тут он начал расхваливать своих пчел. Какие они трудолюбивые, какой хороший мед делают, как они его — Митька — любят. Он, наверное, так своими книгами не хвастался, как умом своих пчел.

А про трагическую записку из бутылки никто почему-то не вспомнил.

И про полуживую рыбу тоже.

Глава IV Гречневый мед

На следующее утро мы выкатили из сарая мотоцикл, подкачали шины.

Митёк оседлал мотоцикл, мама отважно села на заднее сиденье.

– Отставить! – вдруг железным голосом скомандовал папа. – Без шлема я ее не отпущу.

Да еще под горку. – И добавил для убедительности: – Я все-таки милиционер.

Митёк беспомощно обернулся.

– А у меня второго шлема нет, – растерянно оправдался писатель.

– Щаз! – спохватился Алешка и умчался в дом.

– Он сейчас дырявую кастрюльку принесет, – испугалась мама.

Но она в этот раз Алешку недооценила. Он примчался с солдатской каской со звездой из кабинета Лосева.

– Во!

Мама с удовольствием надела каску, застегнула под подбородком ремешок и достала из кармана зеркальце:

– Как?

– Блеск! – сказал Алешка. – Автомат возьмешь?

– Не стоит – Клавдия меня испугается.

– Так ей и надо, – сказал Митёк. – Поехали.

Мотоцикл мягко тронулся и беззвучно, как безмоторный велосипед, покатился вниз. Все быстрее и быстрее. Мамины волосы тут же выбились из-под каски и летели у нее за спиной, как красивое золотистое облако.

– Здорово! – сказал Алешка. – Как партизанка на коне.

– Ну-ну, – буркнул папа.

Вернулись они довольно скоро. Все втроем. На одном тракторе. Которым управлял благодарный Васька. Точнее – Василий. Он был почти уже старик. Но очень прыткий. Остановил трактор возле машины. Спрятался на землю, помог спуститься маме и тут же поднял у машины капот.

– Занятно, – сказал он задумчиво.

А после этого, не оборачиваясь, только протягивал назад руку и скомандовал Митьку:

– Ключ на восемь. Торцовый на двенадцать. Отвертку. Шпильку.

– У меня нет, – сказала мама.

– Ну и не надо, – покладисто согласился Василий. – Заводи, Митрий!

Митёк вставил спереди кривую заводную ручку и резко ее крутанул. Машина послушно взревела.

– Ладно, – сказал Митек и что-то еще подкрутил.

Двигатель снизил обороты и забормотал – ровно, устойчиво, надежно.

– Всего делов-то, – сказал Василий, вытирая ветошью руки. – Давай ехай!

Митёк сел за руль. Газанул. Машина птицей взлетела на горку. Так что чуть не врезалась в ворота гаража.

Василий попрощался со всеми за руку, даже со мной и Алешкой, сел в свой трактор и заплыл по дороге.

– Всего делов-то! – гордо сказал Митёк, когда мы подошли к машине. Сказал так, будто это он ее починил.

Мама сняла каску и отдала ее Алешке.

— Уговорила Клавдию? — спросил он.
— Легко, — кивнула мама. — Кирпичами ее растрогала.
— И что она сказала?
— Она сказала… — Мама задумалась, припоминая. Взглянула на папу. — Она сказала: «И-и-и, милая. Васька мой — паразит. А твой, видать, не лучше!» И забрала заявление.
Папа хмыкнул и отвернулся.
Я думаю, про эти кирпичи под колесами мама до Нового года ему напоминать будет.

Митёк торжественно загнал машину в гараж и поскреб бороду:
— А теперь неплохо бы и медком полакомиться. Знаете, какой у меня мед? Гречишный!
Алешка с удивлением взглянул на него. Повернулся к маме:
— А что, бывает мед и пшеничный? И манный?
Митёк захочтал так, что показал нам все свои белые зубы.
— Чудак! Этот мед мои прекрасные пчелы собрали на поле, где цвела гречиха. Знаешь, какие у меня пчелы!
— Знаю, — сказал Алешка. — Они вас любят, как собаки. И так же слушаются.
— Ставьте чайник, я пошел за медом. — И Митёк накинул на плечи рубашку.
— Мить, — спросил папа. — А разве тебе не надо, я слышал, какой-то дымокур, чтобы пчел отогнать. Шляпу с сеткой, чтобы не покусали.
— Что ты, Серега! — хвастливо отмахнулся Митёк. — Они меня как родного любят. Знаешь, как они меня слушаются! — И он направился к двери. — Как собаки.

Алешка кинулся следом:
— И я с вами, посмотреть хочется.
— Что ты! Они только меня признают. Покусают так, что ваша родная мама тебя не узнает, испугается. — И он захлопнул за собой дверь.
Наша родная мама поставила на плитку чайник и стала собирать на стол. Расставила чашки, заварила чай, нарезала хлеб. И вдруг прислушалась.
— Тише! — сказала она. — Мне показалось, что кто-то вскрикнул.
Мне тоже. Вскрик раздался еще раз. И превратился в сплошной вой. Похожий на визг.
Мы выскочили на крыльцо. Вой доносился со стороны пасеки. И становился все сильнее. И с той же стороны показался бегущий Митёк. Над его головой клубилось что-то вроде небольшого темного облака.

Митёк мчался, как конь, не переставая ржать. Такой уж истощный был у него крик.
Он влетел на крыльцо и завопил:
— Все в дом! Они атакуют!
Это мы уже и сами поняли. Темное облако не только вилось и клубилось, оно еще и гудело, и кусалось.

Как Митёк очутился в доме, как мы захлопнули дверь — я даже не помню. Помню, что мы стояли у двери и слушали, как за ней густо гудят разгневанные пчелы.

Митёк упал в кресло, порылся в бороде и с воплем отдернул руку.

— Вот! — плачущим голосом сказал он. — Еще и в палец.

— Боже мой! — сказала мама.

Она приготовила содовый раствор и достала из своей косметички маленький пинцет.

— Сиди спокойно! — скомандовала она Митьку. И стала пинцетом выдергивать из его лица пчелиные жала. Из щек, из лба, из бровей и век. И даже из макушки, где у Митька прорезалась круглая лысинка.

Потом она смочила ватку в растворе и смазала все укусы.

— Спасибо, — вздохнул Митёк. — Ты знаешь, у меня пчелы…

— Самые кусачие, — продолжил Алешка. — Как собаки.

– Это все из-за тебя! – набросился Митёк на папу. – Ты их натравил!

– Я? – удивился папа. – Я даже не знаю, как их натравливать.

– Ты! Ты! Потому что разбрасываешь где попало свои рубашки.

Точно! Митёк второпях схватил папину форменную рубашку, которая висела на спинке стула.

– Они меня в этой рубашке не узнали! – продолжал свои упреки Митёк. – К тому же рубашка милицейская!

– У них аллергия на милицию? – спросил папа. – Почему бы это? Может, они мед воруют? Или пасутся на чужом поле?

Митёк усмехнулся. Мама улыбнулась. Мы с Алешкой похихикали.

– Ладно, – сказала мама. – Пчелы улетели, будем пить чай.

– С медом, – сказал Митёк. – Я ведь рамку не бросил.

И мы только тут заметили, что он держит рамочку, всю заполненную шестиугольниками сот.

Мама поставила на стол большую миску, Митёк взял нож и стал нарезать соты. С рамочки сразу же тягучими нитями потянулся густой темно-коричневый мед, запахло так, что голова закружилась.

Ничего вкуснее, чем мед в сотах, я, оказывается, никогда не ел. И самое приятное – когда высосешь мед, еще долго жевать сотовый воск. Лучше всякой жвачки.

Мы так увлеклись, что и не заметили, как опустела миска.

– А ты что же не ешь, Митя? – спросила мама.

– А он уже наелся, – хмыкнул папа. – Ты посмотри, какие щеки наел.

Мы оторвались от сказочного угощения и взглянули на Митька. Как описать, что мы увидели? Перед нами сидел совсем незнакомый человек. Кое-что, правда, от него прежнее осталось – борода, ленточка на лбу и волосы на голове. Глаз почти не было – узенькие щелочки, зато щеки раздулись так, будто Митёк держал во рту два яблока. За каждой щекой по штуке. И лоб у него был весь в шишках.

Я опустил голову, мне было трудно смотреть на Митька. С одной стороны, я ему сочувствовал, а с другой – едва сдерживался от смеха. Алешка тоже надул щеки – вот-вот не выдерпит и прыснет изо всех сил.

Мама вдруг встала и быстро вышла в другую комнату.

– Что с ней? – встревожился Митёк.

– Ей, наверное, плохо, – каким-то приглушенным голосом ответил папа. – Наверное, меду обьялась. Я пойду посмотрю. – И он вышел вслед за мамой.

И тут же за стеной раздался взрыв хохота. Маминого и папиного. Мы с Алешкой тоже не выдержали.

Но Митёк – он настоящий писатель – совсем не обиделся. Встал, подошел, натыкаясь на стулья, к зеркалу, долго вглядывался в свое отражение, вздохнул:

– Тоже бы посмеялся. Но ни фига не вижу.

– Хорошие у вас пчелы, – подначил Алешка. – Диковатые только немногого. Вы их плохо приручили.

– Много ты понимаешь, – обиделся за своих пчел Митёк. – Я вот завтра в своей рубашке за медом пойду – увидишь, как они меня встретят!

– Извиняться будут? – захохотал Алешка. – Прощения просить?

Тут вернулись мама и папа. Папа был весь красный, а у мамы от слез растеклись по щекам ресницы.

– Отсмеялись? – буркнул Митёк.

– Мы больше не будем, – пообещала мама.

– Будете, – пообещал Алешка. – Митёк завтра опять за медом пойдет.

– Герой, – сказал папа.

Утром Митёк был уже в форме. Потому что на ночь мама еще раз смочила его «раны» содовым раствором.

Он долго топтался перед зеркалом, разглаживал бороду и довольно урчал:

– На человека похож, правда?

Алешка взглянул на него.

– Очень похож.

– На кого? – подозрительно обернулся Митёк.

– На человека, – кивнул Алешка. – Которого вчера пчелы покусали. Самые любимые и послушные. – И добавил серьезно: – Гречневые.

– Я думал, ты мне друг, – вздохнул Митёк.

– А что? – насторожился Алешка.

– Хотел тебе лодку дать. Резиновую. С веслами. Но раз уж так...

– Друг, друг, – поспешил Алешка.

– Не врешь? – Митёк еще раз оглядел себя в зеркале.

– Он у нас никогда не врет, – поддержал я Алешку, меня тоже лодка заинтересовала. – Только в крайнем случае.

– Да? – с сомнением в голосе произнес Митёк. И повернулся к Алешке.

Тот ответил ему ясным и честным взглядом.

– Ну пошли. Только умоюсь.

Умывался Митёк тоже по-особенному. Во дворе, под водосточной трубой, у него стояла громадная бочка, полная дождевой воды. Митёк раздевался до пояса и долго плескался возле бочки, повизгивая и покрякивая от удовольствия.

– Люблю совершать омовение, – приговаривал он, – живительной природной влагой.

Однажды он попросил Алешку слить ему на спину этой живительной влаги целый ковшик. Ну, и конечно, Алешка полил его так, что Митьку пришлось срочно менять не только брюки, но и ботинки.

И меня не удивило, что Алешка вдруг как-то задумчиво сказал Митьку:

– Может, не надо, дядь Мить. А то вы весь израненный.

– Ну что ты! Как раз мне это поможет.

Да, меня это не удивило. А надо бы удивиться...

Митёк поплескался – Алешка при этом очень внимательно почему-то за ним наблюдал, – и мы пошли в волшебный сарай, и Митёк снял с полки свернутую в тугой комок резиновую лодку.

– Так, Алексей, – сказал он. – Ты поищи пока лягушку, а я весла достану.

– Лягушку? – удивился Алешка.

– Ну! Надо же лодку накачать, проверить.

Алешка, ни слова не говоря, только пожав плечами, вышел из сарая на поиски лягушки – он еще доверял взрослым, их уму и опыту.

Митёк приладил стремянку, взобрался на нее, пошарил на верхней полке и вытащил два алюминиевых весла с красными лопастями. И небольшой брезентовый мешочек с привязанной к нему длинной веревкой. В нем что-то звякнуло.

– Держи, тезка, – сказал Митёк и передал мне мешочек. Я едва не выронил его – такой он был тяжелый. – Там старые гайки, – объяснил Митёк. – Это вроде якоря.

– Что это у тебя, Алексей? – послышался во дворе строгий мамин голос. И сейчас же он сменился на панический: – Брось эту гадость! Я кому сказала?

– Мне дядя Митя велел. Лодку надувать.

— Лягушками? — Теперь мамин голос приобрел оттенок изумления. И недоверия. — Что ты врешь?

— Спроси сама, — ответил Алешка.

И они вошли в сарай; мама держалась от Алешки немного поодаль. А из каждого его кулака торчало по зеленой лягушачьей морде с выпученными от страха глазами.

Митёк расхохотался:

— Это не те лягушки, Алексей. Вот она! — И показал круглую резиновую помпу со шлангом.

— Да? — удивился Алешка, с хитринкой в глазах. — Так бы и сказали. — И он опустил лягушек на пол.

Мама отпрыгнула в сторону. И взвизнула:

— Отнеси где взял! На место их положи!

Но лягушки сами разобрались в обстановке и защелпали к двери.

— Тот еще мальчик! — с восхищением произнес Митёк. — Хорошо еще целое ведро лягушек не набрал.

Когда мама, выглянув сначала за дверь, ушла, мы развернули и раскатали лодку и стали накачивать ее «лягушкой». Это очень просто делается: нажимаешь ее ногой, она чавкает и хрипло гонит воздух по трубке в лодку. А лодка постепенно принимает свою нормальную форму.

Мы накачали ее до звона, и Митёк, прислушавшись, сказал:

— Порядок, не шипит. Дырок нет. Можно выходить в море.

Мы с Алешкой подняли лодку за резиновые уключины и вынесли ее наружу. Под солнцем она сейчас же здорово запахла разогретой резиной. Сразу же захотелось поплавать на ней по речке.

И мы это хорошее дело не стали откладывать. Митёк дал нам спасательные жилеты, мы уложили их в лодку, где уже лежали весла, и понесли лодку на берег.

Митёк забрал якорь и пошел с нами.

— Посмотрю, как вы справитесь.

— Запросто, — сказал я. — Мы даже под парусом ходили.

— В детстве, — сказал Алешка. И уточнил: — В раннем.

Мы спустили лодку на воду, забрались в нее и отчалили.

Конечно, резиновая лодка не очень ходкая, не очень поворотливая, но мы быстренько ее освоили, и Митёк сказал:

— Нормально. Можете сплавать на кладбище.

— Чего? — Алешка вытаращил глаза. — Зачем? Что мы там не видели?

— На кладбище кораблей, — усмехнулся Митёк. — Там много интересного.

— А это где?

— Вниз по течению. Там увидите пристань, а за ней затон.

— А это что?

— Ну, вроде небольшого залива. Туда уже много лет буксируют отслужившие свой срок суда. Там целый музей.

— Все! — нетерпеливо сказал Лешка. — Поплыли.

— Только уговор, — строго предупредил Митёк. — Смотреть со стороны, по кораблям не лазить. Это очень опасно. Можно провалиться сквозь гнилую палубу. Обещаете?

— Конечно, — сказал Алешка. — Обязательно. Прямо сейчас.

— Ну-ну, — усмехнулся Митёк. — Я вам верю. — И добавил на прощание: — Жилеты не снимать!

Глава V Большой клад

Лодка спокойно и плавно, потихонечку плыла вниз по реке. Я только изредка пошевеливал то одним, то другим веслом, чтобы она не вертелась.

Река была спокойная и красивая. Один берег – крутой и обрывистый. Прямо как стена. И в этой стене иногда вдруг оказывается очень много дырочек, и из них стремительно вылетают черные ласточки, будто их из рогатки выстреливают.

А другой берег – низкий, песчаный и местами заросший зеленою травой, из которой торчат коричневые головки камыша.

Вдали виднеются всякие леса и пригорки. А на пригорках маленькие деревушки, где среди лил и ветелок прячутся, совсем как игрушечные, домики. И в их окнах отражается солнечный свет. А на самой высокой горушке стоит церковь с синими, в звездах, куполами и с золотыми крестами. Которые тоже сверкают на солнце. Здорово красиво.

Лешка лежал на носу и смотрел в воду. И сообщал мне все, что он там видел.

– Большая рыба, Дим. Маленькие рыбешки, Дим. Целое стадо. Колесо от машины. Колесо от трактора. Дырявый сапог. Давай его достанем.

– Зачем он нам?

– Митьку подарим.

– У него две ноги. К счастью.

– А мы только что над валенком проплыли, Дим. Давай, а? Кастрюля, Дим.

– Маме подарим?

– Она дырявая. – И вдруг заорал: – Тормози, Дим! Сокровище!

Я потабанил и немного отгреб назад.

– Стоп! – сказал Алешка. – Бросай якорь. Смотри!

Я сбросил в воду мешок с гайками и перегнулся через борт. В довольно чистой воде виднелось ребристое песчаное дно с редкими пучками водорослей. Среди них стояло полузанесенное песком что-то вроде сундука, с двумя ручками.

– Доставай, – сказал Алешка. – Здесь мелко. Ты что себе купишь?

Я пожал плечами. Я ничего не собирался покупать посередине реки. Негде, во-первых, и денег нет, во-вторых.

Алешка нетерпеливо пояснил:

– Когда клад продадим. Я куплю себе резиновую лодку. А ты?

– А я – две резиновые лодки.

Но чем дольше я вглядывался в воду, тем заманчивее казалась мне картина на дне. Сундучок был солидный. Почерневший от времени, очень старинный на вид.

Я сбросил кроссовки и брюки, осторожно перелез через упругий борт и спустился в воду. Неглубоко – мне по грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.